

Лет двадцать тому назад, в девяностые годы минувшего века, которые теперь одни вспоминают с восторгом, а другие осыпают проклятиями, жила в нашем доме Надя. Дом был стар, состоял из четырех подъездов, возвышался на восемь этажей и был разделен на шестьдесят четыре квартиры. В девятьсот тринадцатом году, когда дом только построили, квартиры принадлежали отдельным хозяевам, но революция, отмена частной собственности и рост городского населения существенно его уплотнили. Были счастливицы, которым принадлежало целых две комнаты, но подавляющая часть жильцов ютилась по «одиночкам».

Мы с родителями жили в просторном зале, некогда служившем гостиной какому-то адвокату, навсегда исчезнувшему в восемнадцатом году, мама с папой на вечно разложенном диване, я за шкафом. В трех других комнатах были прописаны художник Саша с женой Леной и маленькой девочкой Ирочкой, научные работники Майя Карловна с Анатолием Ефимовичем и одинокая веселая бабуся-жердь, Алевтина Васильевна. Жили дружно, из-за места у плиты почти не цапались, туалет и ванну мыли строго по очереди и жили бы так и дальше, если бы не наступили те самые девяностые.

Гражданам вернули право на частную собственность и пошло-поехало. Майя Карловна с Анатолием Ефимовичем стали ссориться: она мечтала продать комнату и укатить к родственникам в Сан-Франциско, он хотел продолжить научную работу в университете. Художник Саша долго что-то разузнавал и вдруг отгородил часть коридора, сообщив, что это его законная доля и теперь там будет игровая для Ирочки. Моя матушка ворочалась по ночам на диване, настраивая отца на размен. И только жердь Алевтина Васильевна продолжала блаженно улыбаться незабываемой улыбкой, которую, как говорили, приобрела после гибели от голода годовалого сына в далекую эпоху великих строек.

Тут и появилась Надя. Жила она в одной из комнат на втором этаже со старухой-мамашей, бабой Гулей, бывшей дворничихой и по совместительству осведомительницей участкового. Работала Надя непонятно где, то ли уборщицей в больнице, то ли кассиршей в гастрономе. Да и неважно это, потому что девяностые круто Надину жизнь изменили. Она стала риелтором.

Первое, что сделала Надя, уговорила соседа, пьяницу Славика, получить свидетельство о собственности на свои восемнадцать метров. Затем она внушила Славика, что столичный воздух вреден для его истосковавшегося сердца и пора ему перебраться на природу, благо и домик подходящий имеется. Славик и в самом деле рассказывал о двоюродном брате, обитавшем где-то в Тамбовской области. Неизвестно, что больше повлияло, аргументы ли о пользе деревенской жизни или тусклые поллитры, которыми Надя регулярно снабжала Славика, но месяца не прошло, как он оформил жилплощадь на ее имя и укатил в направлении Тамбова, где его следы и затерялись.

Затем исчезла Зоя Васильевна, одинокая чертежница на пенсии, вторая Надина соседка. С Зоей Васильевной вышло иначе. Свежим воздухом ее прельстить не удалось, но Надя нашла выход. Сговорившись с участковым, она спровоцировала ссору на кухне, а затем вызвала докторов, которые за умеренное вознаграждение засвидетельствовали полную психическую невменяемость бывшей чертежницы и, не обращая внимания на ее душераздирающие вопли, свезли старушку в лечебное заведение.

Четвертая комната освободилась сама — проживающий там молодой человек, получивший жилье после детского дома, скоропостижно умер от наркотиков, хотя ранее в склонности к зелью замечен не был. Оставалась мама, но вскоре и её Надя отправила лечиться следом за Зоей Васильевной. Таким образом, всего за полгода она стала владелицей просторной четырехкомнатной квартиры. Полное освобождение квадратных метров омрачило лишь проклятие, посланное Наде бабой Гулей, увлекаемой сильными руками санитаров. Впрочем, Надя суеверной не была.

Решив не останавливаться на достигнутом, Надя развила бурную деятельность сначала в пределах дома, а затем и всего района и вскоре сделалась хозяйкой нескольких

квартир. Поговаривали, что мужик из семнадцатой упирался, а потом пропал. Позже его фотографию видели в газете. Точнее не его самого, а разрозненных частей тела, которые вроде как ему при жизни принадлежали.

Удивительно, но ещё недавно презиравшие Надю граждане зауважали и ее саму, и почти новенькую иномарку, и ремонт в стиле евро. Особенно нравилась всем ванная комната, обшитая сосновой доской под дуб, которую Надя с удовольствием демонстрировала всем интересующимся. Перед ней стали заискивать, просили кого-то куда-то пристроить, что-то с кем-то порешать и прочее. Надя сделалась достойным членом районного общества.

Дела у неё шли в гору и на личном направлении. Видные мужчины были замечены входящими вечером с букетами и тортами в дверь ее квартиры. По ночам из окон звучала музыка и неприличные крики, говорящие о недостатке и раскрепощенности хозяйки. Надя съездила в Париж, сменила почти новую иномарку на совершенно новую и представляла из себя предмет абсолютной зависти.

А затем начались неприятности. Может быть, она кому-то перешла дорогу или не сумела договориться с новым участковым, пришедшим на смену предыдущему, получившему черепно-мозговую несовместимую с жизнью травму, а может, еще что-то. Но она вдруг сделалась понурой, продала квартиры, кроме самой первой, реализовала иномарку и заперлась. Мужчины с букетами прекратились, телефон смолк, а однажды ночью кто-то стрелял в ее окно из травмата.

Здесь и начинается период Надиной жизни, о котором известно немного. Кто-то из дворовых пацанов по ее просьбе разок-другой сбегал в магазин, кто-то видел отблески в окнах, соседи за стенкой что-то слышали... Не ручаюсь, расскажу лишь то, о чем потом говорил весь район.

Перед самым своим неожиданным падением Надя затеяла новый ремонт. Решила перестроить квартиру целиком: перенесла кухню на место спальни, туалет и ванну разместила в бывшем коридоре, а в одной из комнат планировала устроить небольшой бассейн. Одним словом осуществила незаконную, но довольно распространенную в те годы перепланировку. Однако, амбициозным планам не суждено было осуществиться, стройка замерла. Лишенная большей части стремительно нажитой недвижимости, Надя бродила среди мешков с цементом, банок с краской и взломанного паркета и размышляла, как такое могло с ней произойти.

Толком не помня утвержденного ею самую плана ремонта, Надя постоянно наткнулась на стены, удивляясь причудливой планировке. Однажды ей показалось, что стена появилась там, где ее еще накануне не было, а там, где была дверь, теперь краснела свежая кирпичная кладка. Однажды ночью в квартире вдруг стало очень жарко. Обливающаяся потом Надя разделась догола и никак не могла понять, откуда такая температура, ведь батареи ледяные. Она распахнула запотевшие окна, что привело к неожиданному эффекту. В комнатах ударил мороз, батареи покрылись инеем, а хозяйку затрясло. Надя стала рыться в коробках с упакованными вещами, искать по комнатам шубу, и вдруг наткнулась на мать, бабу Гулю.

Сначала Надя решила, что маму выписали, но тотчас поняла, что это невозможно. Главврач получил убедительное материальное вознаграждение, полностью исключаящее самодеятельность. Надя кинулась прочь, но в помещении будущего бассейна снова столкнулась с привязчивой мамашей. Она встретила ее в бывшей спальне, нынешней кухне, а затем и в санузле, расширенном под размеры двухместной ванны с гидромассажем.

Наутро к Наде вернулось самообладание, и она позвонила в клинику. В трубке сообщили, что баба Гуля ночью скончалась и находится в морге до востребования. Надя спросила о Зое Васильевне и узнала, что старуха буянит и привязана к койке, а потому к телефону подойти не может. Хотела написать Славику, не нашла адреса.

Надя потеряла сон. Запасы спиртного иссякли, а покидать квартиру она не решалась. Пребывая в таком взнервлённом состоянии, Надя скоро услышала голос матери - иди в ничью комнату.

Голос бабы Гули не оставлял Надю, четыре странных слова непрерывно звучали в её обоих, украшенных золотыми серёжками, ушах.

Ничьей комнатой называлась кладовка, которая за все время коммунального периода квартиры так и не была распределена между жильцами. После Надиных преобразований на месте ничьей комнаты остался лишь закуток. Повинуясь голосу, Надя пошла туда и принялась ощупывать штукатурку. Ничего не найдя, повернулась и стукнулась лбом о возникшую откуда ни возьмись стену. Стала протискиваться и застряла.

***